

Р. А. Соколов

Канонизация Александра Невского и судьба его мощей

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_23

Аннотация: Прославление князя Александра Невского как святого укладывается в схему, предложенную Е. Е. Голубинским, выделившим три основных этапа этого процесса. В случае со св. князем Александром отправной точкой стала деятельность митр. Кирилла, которого с князем связывало долгое политическое взаимодействие. Первоиерарх оказался причастен и к первому чуду, произошедшему от мощей св. Александра Невского. Новыми этапами прославления стали события, сопровождавшие Куликовскую битву, а затем принятие царского титула Иваном Грозным. Последнее обстоятельство обусловило несколько канонизаций русских святых, среди которых оказался и князь Александр. Извлеченные в 1381 г. из под спуда останки князя не однажды страдали от пожаров, но все-таки сохранились, о чем свидетельствует, в частности, уникальный документ 1681 г., находящийся в Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборг. Эти останки были обнаружены в ходе вскрытия 1922 г. (перед изъятием раки у верующих), а их экспертиза не нашла данных, указывающих на то, что мощи князя — не подлинные.

Ключевые слова: святой Александр Невский, мощи Александра Невского, Житие Александра Невского, история Русской Церкви, историческая память.

Об авторе: **Роман Александрович Соколов**

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена.

E-mail: romansokolow@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3206-7635>

Ссылка на статью: Соколов Р. А. Канонизация Александра Невского и судьба его мощей // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 23–32.

Финансирование: Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 21-48-04402.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Roman A. Sokolov

The Canonization of Alexander Nevsky
and the Fate of His Relics

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_23

Abstract: The glorification of Alexander Nevsky as a saint fits into the scheme proposed by E. E. Golubinsky, who identified three main stages of this process. In the case of Alexander, the starting point was the activities of Metropolitan Cyril, who had a long political relationship with the prince. The first miracle that occurred from the relics of Alexander is associated with the First Hierarch. New stages of the glorification were the events associated with the Battle of Kulikovo and the acceptance of the title of tsar by Ivan the Terrible. The latter circumstance led to several canonization of Russian saints, including Alexander's. The relics of the prince, uncovered in 1381, suffered from fires more than once, but nevertheless they survived, as evidenced, in particular, by a unique document dated 1681, located in the Leningrad Regional State Archives in Vyborg. The relics were examined in 1922 before the seizure of the relics from believers, and their examination did not reveal any data indicating that the relics of the prince were not genuine.

Keywords: Alexander Nevsky, the relics of Alexander Nevsky, the life story of Alexander Nevsky, history of the Russian Church, historical memory.

About the author: **Roman Aleksandrovich Sokolov**

Doctor of History, Chief Researcher, Saint Petersburg State University.

E-mail: romansokolow@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3206-7635>

Article link: Sokolov R. A. The Canonization of Alexander Nevsky and the Fate of His Relics. *Khristianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 23–32.

Financing: The research was carried out with the financial assistance of the Russian Science Foundation, project No. 21-48-04402.

Историческая память о князе Александре Невском вплоть до наших дней в значительной мере основывается на его церковном почитании, имеющем уже многовековую историю. Было бы, конечно, совершенно неверным преуменьшать актуальность и светского аспекта восприятия князя нашими современниками, но этот фактор, актуализированный в эпоху Петра и его преемников [Мещенина, Соколов, 2018; Мещенина, Соколов, 2017] и достигший максимальной значимости в советский период, во многом благодаря знаменитой киноленте С. М. Эйзенштейна, в Средневековье был далеко не самым важным. Да и в наши дни восприятие национального героя прежде всего как святого подвижника по-прежнему для значительной части сограждан является первостепенным. Данные обстоятельства заставляют еще раз обратиться к вопросам о прославлении князя Александра Невского в период после его кончины и о зарождении и развитии его культа. Посвященное данной теме исследование обусловлено также и тем обстоятельством, что в последние годы, как будет показано ниже, в историографии намечалась определенная дискуссия по отдельным аспектам этой проблематики.

Приступая к исследованию посмертного почитания князя Александра Ярославича целесообразно, тем не менее, акцентировать внимание на том, что политика «реального» (исторического) князя Александра, о которой дают представление сохранившиеся источники, была направлена в том числе на установление сотрудничества с высшей церковной властью. Впервые в 1250 г. познакомившись с митр. Кириллом (возведен в сан в Никее), он сумел выстроить конструктивные отношения с первоиерархом. Сделать это было не так просто, ведь глава Русской Церкви изначально был ставленником князя Даниила Галицкого (ПСРЛ-2, 1998, 809)¹. Историки иногда отождествляют иерарха с упомянутым в летописи печатником (ПСРЛ-2, 1998, 792–793) — то есть своего рода канцлером — южнорусского правителя, но это, конечно, не может считаться совершенно достоверным фактом. Однако и без такой «конкретики» ясно, что иерарх должен был разделять политические предпочтения этого князя, суть которых заключалась в стремлении, опираясь на помощь католического Запада, избавиться от монгольской зависимости.

Оставляя в стороне рассмотрение тщетных попыток князя Даниила реализовать свои замыслы, отметим, что митр. Кирилл мог осознать пагубность курса на союз с Римом после посещения Никее, которая стала временной византийской столицей после штурма и разорения крестоносцами Константинополя в 1204 г. Однако и вернувшись из поверженной Византии, он мог оставаться сторонником противодействия Орде. Именно на это были направлены попытки создать антитатарскую коалицию, основу которой составили бы сам князь Даниил и его зять Андрей Ярославич (брат Александра). Брак последнего непосредственно устроил сам митр. Кирилл, который привез невесту к жениху во Владимир и лично обвенчал молодых (ПСРЛ-1, 1962, 472). Посетил первоиерарх и Новгород, где в тот момент находился Александр Невский. Именно тогда он мог услышать доводы князя, прославившего свое имя победами 1240 и 1242 г. и одновременно успевшего ощутить мощь монгольской империи во время визита в Каракорум. Неврюева рать 1252 г., без труда «согнавшая» князя Андрея с Владимирского стола, стала окончательным аргументом, убеждавшим в том, что о противостоянии Орде на тот момент речи идти не могло [Кривошеев, Соколов, 2018б, 195–206].

В дальнейшем основная политическая линия митр. Кирилла и князя Александра Ярославича, получившего владимирский стол, оставалась схожей. Примерно к этому периоду относятся попытки Римской курии установить контакты с князем путем дипломатических сношений [Матузова, 1994, 59]. Этому вопросу посвящена обширная литература [Горский, 1996; Горский, 1994; Кудрявцев, 2010], для нас в данном случае особенно важно то, что направленный Папе через его послов отрицательный ответ,

¹ Е. Е. Голубинский уточнил датировку отъезда митр. Кирилла в Никею (1246 г.) [Голубинский, 1997, 53–54].

конечно, должен был в еще большей степени расположить к князю Александру русско-первоиерарха [Григорьев, 2004, 10–11].

Примеры их взаимодействия при решении важнейших политических вопросов были далеко не единичными: осуществление «числа», поход вглубь Финляндии (1256), учреждение епархии в Сарае (1261), вечевые восстания 1262 г., — все эти проблемы ранее уже становились предметом подробного изучения [Соколов, 2012]. В качестве основного вывода из проведенного исследования может быть сформулирован тезис, согласно которому в особенно сложные моменты князь Александр и митр. Кирилл непосредственно координировали свои действия. Это, конечно, свидетельствует и о том, что между ними установились и личные, чисто человеческие отношения. Часто бывая на Севере Руси, митр. Кирилл был прекрасно осведомлен о частных нюансах жизни Ярославича, которые нам не известны, но, как можно предположить из рассматриваемого ниже материала, они не давали первоиерарху поводов для смущения с морально-нравственной точки зрения. По этой причине у него не было причин противодействовать почитанию князя, возникшему уже вскоре после его кончины.

Князь Александр Ярославич умер в Городце-на-Волге, возвращаясь из очередного путешествия в Орду, 14 ноября 1263 г. (НПЛ, 1950, 83–84, 312; ПСРЛ-1, 1962, 477). Внимание, которое, в том числе в силу приближающегося юбилея, в последние годы привлекают связанные с князем обстоятельства, реанимировало в популярных публикациях ошибочную гипотезу о смерти Александра в Городце Мещерском (Касимов). Впервые эта версия, которой ныне пытаются придать флер новизны, была «запущена» еще в XVIII в. в «Географическом лексиконе» Ф. А. Полунина, составленном при участии Г. Ф. Миллера². Однако данная трактовка была совершенно опровергнута в XIX столетии на основе исторической географии П. И. Мельниковым-Печерским, и для ее возрождения нет никаких оснований.

Отходя в иной мир, князь Александр принял решение возложить на себя обеты схимника. Как предполагают, произошло это в местном Федоровском монастыре³, факт существования которого в тот период достоверно подтвержденным все же считать нельзя, поскольку источник (Житие) говорит о пострижении, не упоминая конкретную обитель.

Остаток пути до Владимира свита князя проделала достаточно быстро, и тело умершего было доставлено во Владимир — главный город Северо-Восточной Руси. Наиболее логичным было бы погребение почившего в Успенском соборе, ведь именно там находили последнее пристанище прежние великие князья: Андрей Боголюбский, его братья Михаил и Всеволод Юрьевичи, Константин и Юрий, Михаил (Храбрый) Всеволодовичи (ПСРЛ-1, 1962, 370, 379, 437, 444; ПСРЛ-10, 1965, 114). Хотя в этот период Владимир все более и более терял реальную политическую значимость, превращаясь в своего рода символ власти. Князья второй половины XIII — начала XIV в. хорошо понимали, что залог находящейся в их распоряжении силы — их же собственные «вотчинные» города. Потому, оканчивая жизненный путь, они предпочитали быть погребенными именно там, а не во Владимире. Так поступили Ярослав Ярославич (Тверь), Василий Ярославич (Кострома), Дмитрий Александрович (Переславль Залеский), Андрей Александрович (Городец) (НПЛ, 1950, 89, 321; 323, 328; 92, 332).

В этом ряду похороны князя Александра Невского в Рождественском храме Рождественского монастыря выглядят как «переходные»: обитель находилась во Владимире, но это все же не Успенский собор. В литературе справедливо была высказана мысль о негибкости такой ситуации [Sirenov, 2016, 101], но своя логика в ней все же имела. Во-первых, не будем забывать, что князь принял схиму и вполне мог в последние часы оставить соответствующее распоряжение о погребении; во-вторых, буквально с самого детства он общался с иерархами, вышедшими из этой обители

² «Городец — старое имя города Касимов, о коем зри в своем месте. В Городце святыи великий князь Александр Невский в 1263 г. скончался» [Географический, 1773, 70–71].

³ О Федоровском монастыре см. подр.: [Галай, 1994].

и имевшими высокий авторитет. Среди них были Владимирские владыки Симеон и Митрофан, а также епископ Ростова Кирилл.

Как бы то ни было, и постриг, и погребение в монастыре должны были еще в большей степени укрепить установившуюся при жизни князя Александра его тесную связь с Русской Церковью, возникшую во многом благодаря политическому сотрудничеству Ярославича с митр. Кириллом [Кривошеев, Соколов, 2018а, 201–206]. В перспективе это давало определенные основания если не для признания усопшего святым (преподобным), то для особого почтения духовенства к памяти о князе.

Выше было сказано, что, судя по косвенным данным, у высших иерархов, и в частности у митрополита, сомнений в праведности жизни почившего, вероятно, не было. Очень торжественно был обставлен погребальный обряд: в нем участвовали представители высшего духовенства: «снемшися епископи и игумени с митрополитомъ Кюриломъ» (НПЛ, 1950, 84, 312). В приведенной летописной цитате важны два обстоятельства: прежде всего, употребленное во множественном числе слово «епископ», и тот факт, что это известие из новгородского источника. Последний нюанс дает право предположить, что одним из архиереев, провожавших князя в последний путь, был Новгородский владыка. Кроме того, вполне логичным было присутствие здесь рукоположенного незадолго до этого Игнатия Ростовского.

Все это стало первым шагом к последующему прославлению князя Александра в лике святых. Свидетельства тому находим и в Житии, в котором имеется сообщение о произошедшем в ходе похорон чуде (напомним, что именно чудеса являются основным основанием для канонизации): «Бысть же тогда чудо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тело его в раку, тогда Савастиянь икономъ и Кирилъ митрополит хотеста розязити ему руку, да вложити ему грамоту душевную. Он же самъ, акы живъ суци, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита. И приять же я ужасть, и едва отступиша от раки его». Примечательно, что первоиерарх не стал держать произошедшее тайне, сообщив о случившемся пастве: «Се же бысть слышано всемъ от господина митрополита и от иконома его Савастияна» (Житие, 1995, 195).

Кстати, цитированное выше Житие само по себе также является важным подтверждением мысли о подготовке будущего прославления князя, ведь первая редакция этого памятника была составлена спустя небольшое время после кончины князя. По этому поводу были высказаны три основные точки зрения: В. А. Кучкин датировал создание памятника периодом начиная с первых лет по кончине Александра [Кучкин, 1990, 36–39], Ю. К. Бегунов предполагал, что это произошло в 1280-х гг. [Бегунов, 1966, 58–66], а В. Л. Янин определил возможный диапазон более широко — второй половиной XIII в. [Янин, 2004, 250]. Как бы то ни было, Житие было составлено спустя небольшой промежуток времени по кончине его главного героя, и появление текста само по себе весьма показательно, ведь, как справедливо замечал Е. Е. Голубинский, «для празднования памяти святого нужна была служба ему, а равно требовалось, чтобы написано было (существовало) и его житие» [Голубинский, 1998, 41].

Недавно была сделана крайне слабо аргументированная попытка поставить под сомнение датировку создания Жития, и она не заслуживала бы внимания, если бы свои страницы для автора, столь топорно ее обосновывавшего, не предоставил ведущий исторический журнал. Сомневающийся выдвинул идею, что Житие было составлено после битвы на Куликовом поле (1380) и тогда же оно было включено в Лаврентьевскую летопись, которая, как он справедливо считает, была создана «как раз в эти годы». Вне рассмотрения скептика остался, к сожалению, один существенный нюанс: «мних» Лаврентий и правда окончил работу «как раз в эти годы», но не после Мамаева побоища, а до него — в 1377 г., а это разрушает все построения автора⁴.

Вернемся, впрочем, «на прежнее» и, подводя некоторые промежуточные итоги, подчеркнем, что ни выбор места для похорон Ярославича, ни другие рассмотренные

⁴ Разбор данной статьи см.: [Sokolov, 2017, 215–223].

выше обстоятельства не символизировали перемещения значения духовного центра Северо-Востока от владимирского Успенского собора к Рождественскому монастырю. Более того, культ Успения Богородицы и в последующие века по-прежнему оставался на очень высоком уровне, и не случайно, что даже в конце XV в. «Аристократ Фиораванти следовал установившемуся на Руси облику храмов при строительстве московского храма Успения» [Лихачев, 1985, 22]. С другой стороны, организация церемонии прощания с привлечением большого количества иерархов, а также составление Жития вскоре после смерти князя, в котором (что важно!) было зафиксировано произошедшее в время похорон чудо, сами по себе вполне могут рассматриваться в качестве своего рода подготовки к канонизации. Однако и митр. Кирилл, и все остальные прекрасно понимали, что это был очень длительный процесс, и для его завершения было необходимо соблюсти ряд условий, и из них наиболее важными были чудеса [Голубинский, 1998, 40–42]. Акту прославления на уровне всей Русской Церкви (а в ту эпоху это оставалось событием исключительным) должно было предшествовать местное почитание. В классической работе Е. Е. Голубинского имеется определение ступеней канонизации, которое в настоящее время может считаться хрестоматийным: «В отношении к обширности территории чествования причитавшиеся к лику святых подвижники разделялись на три класса: на местных в теснейшем смысле слова, на местных в обширнейшем смысле слова и на общих или общецерковных, т. е. на таких, которым назначалось празднование только в самом месте их погребения, — в монастыре или у приходского храма... — на таких, которым назначалось празднование в одной своей епархии, и на таких, которым назначалось празднование во всей Русской Церкви» [Голубинский, 1998, 41].

Относительно князя Александра все три этапа, о которых писал Е. Е. Голубинский, прослеживаются довольно четко. Местным святым («в теснейшем смысле слова») его почитали сразу после погребения. Этому способствовало то, что имя князя еще при жизни стало легендарным, ведь он проявил себя и как полководец, и как дипломат, и как выдающаяся государственная личность, которая и после «смерти привлекала внимание потомков, рождая в их сердцах возвышенные чувства» [Хорошев, 1986, 79]. Этому еще больше способствовало составление Жития, содержащее рассказ о доблести князя (военные победы), его добродетельной жизни и посмертном чуде с грамотой. Тем не менее, останки князя в продолжении долгого времени оставались под спудом.

Новый этап почитания связан с Куликовской битвой — сражением, победа в котором стала следствием небывалого единения и небывалого напряжения всех сил Руси. Исход противостояния с Мамаем изначально был, конечно, не ясен, а его благоприятный результат виделся современникам результатом не только их собственных усилий, но и помощи высших сил, среди которых определенное значение имело и заступничество князя Александра Невского.

В Житие вошло сообщение, описавшее связанное с этим чудо. Незадолго до Куликовской битвы пономарь Рождественского собора, в котором покоилось тело князя Александра, уснул на паперти церкви. Внезапно он проснулся и увидел с изумлением, что в соборе сами собой загораются свечи, а из алтаря выходят два старца — святые Борис и Глеб. Они подошли к погребению князя Александра и стали обращаться к нему с призывами поспешить на помощь «сроднику» — великому князю Дмитрию. Тогда-то и было решено вскрыть гробницу. Извлеченные из-под спуда мощи были обнаружены в нетленном состоянии, митр. Киприан в марте 1381 г. совершил над ними службу, и, таким образом, последовало местное прославление на уровне епархии. К открытым мощам стали стекаться верующие, у них стали происходить все новые и новые чудеса, связанные прежде всего с исцелениями больных [Мансикка, 1913, 27]. То есть, применяя предложенную Е. Е. Голубинским терминологию, можно сказать, что произошла местная канонизация «в обширнейшем смысле слова».

В 1491 г. в древнем Владимире случилось страшное бедствие — пожар. Пострадали и останки князя Александра Невского: «Згоре град Володимерь весь и с посады,

и церковь Пречистые Рожество в монастыре втутри града выгоре, и *тело* (курсив наш. — Р. С.) великого князя Александра Невского згоре» (ПСРЛ-27, 1962, 291; ПСРЛ-8, 1859, 221 левый стб.). Остановимся на этом сообщении чуть подробнее. Как можно было убедиться, в нем упомянуто «тело» князя. На этот нюанс обратил внимание А. В. Сиренов. Ученый подчеркнул, что в данном случае речь идет не о мощах (обретения которых в XIV в., как считает историк, не было, поскольку останки, скорее всего, не были захоронены в землю, а находились выше уровня пола в белокаменном саркофаге), а именно о теле [Sirenov, 2016, 103].

Представляется, что в данном случае необходимо сделать одно уточнение, основанное на выводах общего характера, ранее приведенных Е. Е. Голубинским. Согласно его данным, под словом «мощи» в XV в. понимали останки, серьезно подвергшиеся тлению, кости. «Тело» же означало сохранившуюся плоть. Причем и в первом, и во втором случаях речь могла идти о святине, т. е. о мощах в современном понимании этого термина [Голубинский, 1998, 298]. Среди приведенных историком доказательств наиболее характерным выглядит следующая летописная цитата (1472 г.), связанная с перестройкой московского Успенского собора: «Иону целу суца обретоша [...], Фотея же цела суца не всего, едины ноги толико въ теле, а Кипреяна всего истлевша, едины мощи» (ПСРЛ-6, 1853, 195). Таким образом, упоминание сгоревшего «тела» князя Александра Невского могло означать, что останки князя находились до пожара в состоянии удовлетворительной сохранности. Во всяком случае, это точно не противоречит его тогдашнему статусу местночтимого святого.

Еще один момент, о котором хотелось бы сказать, связан со способом погребения князя в 1263 г.: под полом храма или выше его уровня (в саркофаге). А. В. Сиренов привел важный аргумент в пользу второго варианта изначального выбора последней пристанища для останков князя: в XVI в. в Рождественском соборе имелось еще три подобных безымянных саркофага [Sirenov, 2016, 105]. Тем менее, представляется, что и в этом случае требуются некоторые уточнения.

Во-первых, сам А. В. Сиренов справедливо указывал на то, что преемственность заложенной похоронами князя Александра традиции прослеживается в похоронах его младшего сына — Даниила Московского [Sirenov, 2016, 101], местом упокоения которого, возможно, также стал монастырь. Как именно был погребен этот князь, точной информации нет, но если доверять сообщению о его похоронах непосредственно в обители, то следует обратить внимание на то, что это было захоронение в прямом смысле слова: «Конечного ради смирения не изволив въ церкви положеньъ быти, но на монастыри, идеже и прочую братию погребаху» (ПСРЛ-21, 1908, 298), то есть речь идет о братском кладбище.

Во-вторых, имеется информация и еще об одном вероятном месте упокоения князя Даниила — Архангельском соборе: «Положеньъ бытъ въ церкви святого Михаила на Москвь» (Приселков, 1950, 351, прим. 1). Вероятность обеих версий далеко не полная [Кучкин, 1995, 102], но совершенно ясно, что для князей Московского Дома характерной стала традиция, если можно так выразиться, «подземного захоронения», поскольку погребения и Успенского собора (место упокоения Юрия Даниловича), и Архангельского (Иван Калита и далее) проводились под уровнем пола [Панова, 2002, 7, 9].

Наконец, наличие трех безымянных саркофагов в Рождественском соборе XVI в. может иметь объяснение в том, что в них (или в некоторых из них) находились обнаруженные имеющие признаки нетленных останки других людей, оставленные здесь в ожидании чудес, которые могли начаться от них. Такая практика имела место в Русской Церкви. В дальнейшем, если ожидаемых чудес не происходило, могло состояться повторное погребение [Голубинский, 1998, 522–523].

Впрочем, конкретный способ погребения князя — это, конечно, лишь деталь. Главный же вывод, на котором хотелось бы акцентировать внимание, связан с тем, что для опровержения «классической» хронологии этапов канонизации князя Александра Невского необходимых оснований по-прежнему недостаточно.

С течением времени почитание князя усиливалось. Значимой вехой стало общерусское его прославление в 1547 г. Этот акт имел, безусловно, серьезную идеологическую составляющую, поскольку Александр Невский был одним из прямых предков Ивана Грозного, в тот же год принявшего на себя царский венец. По указанию государя во Владимире и городах, где княжили прежде боковые ветви Рюриковичей, были составлены списки-синодики, включавшие в себя описания гробниц прежде почивших правителей. Все это должно было стать аргументом в подтверждение древности династии [Сиренов, 2010, 53, 60, 66–67]. Исследовавший эти материалы А. В. Сиренов специально отметил, что все описи Рождественского собора сохранили описание гробницы князя Александра Невского [Сиренов, 2010, 61].

В 1591 г. Ионой Думиным (прежде бывшим настоятелем Рождественского монастыря) была составлена новая более пространная редакция Жития князя. Корректно соотносит время работы над ней с датой пожара во Владимире, произошедшего, как мы помним, в 1491 г. Одной из целей автора было доказать спасение мощей князя в ходе этого стихийного бедствия [Сиренов, 2010, 187].

В следующем XVII в. мощи еще один раз пострадали от пожара, о чем свидетельствует единственный источник — записка, обнаруженная в раке св. Александра Невского в ходе так называемого освидетельствования останков князя 12 мая 1922 г. (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 135/1). Записка была пришта нитью (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 135/2) к остаткам монашеской схимы. История освидетельствования, и записки, и нити заслуживает отдельного рассмотрения, здесь же отметим, что в ходе экспертизы непосредственно документа (проводил А. А. Захарьин), были сделаны фотографические снимки, в том числе отдельных букв. Именно по этим снимкам источник известен исследовательскому сообществу до настоящего времени, и по ним же осуществлялись его публикации [Sirenov, 2016, 106]. Обнаруженный в фонде Ленинградского областного архива в г. Выборг оригинал (в 2021 г. найден Ю. И. Крипатовой, привлечшей для исторической экспертизы автора настоящих строк) соответствует изданным фотографиям и является (наряду с упомянутой нитью и актом тайного вскрытия мощей духовенством в 1917 г. (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 135/6)) единственным артефактом, хранившимся в раке св. Александра Невского и в настоящее время находящимся в распоряжении ученых.

Приведем текст записки по оригиналу, который, впрочем, не отличается от прежней публикации по копии: «189 мая в 20 день собраны сия мощи благоверного князя Александра после церковнаго горения, тогда бо погореша вси иконы» (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 135/1). Из этого сообщения следует, что в 1681 г. во Владимире произошел пожар, в ходе которого пострадали, но все-таки сохранились отдельные фрагменты мощей св. Александра Невского. Именно они и были обнаружены в ходе вскрытия 1922 г., причем судебно-медицинская экспертиза тогда однозначно установила, что все останки относились к человеческому скелету, и не выявила фактов, указывающих на то, что это могли быть кости разных людей. В заключении, в частности, говорилось: «Осмотренные кости несомненно принадлежали человеческому скелету» (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 70). Обратим внимание, речь идет именно об одном (!) скелете. Впрочем, такая ситуация не очень устраивала власти, и поэтому спустя несколько месяцев, 2 августа 1922 г., была проведена повторная экспертиза, с другими специалистами, которые «нашли»-таки нужное несоответствие: якобы «в числе костей имеются обломки малой берцовой кости другого человека» (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 130 об.). Утверждение о недостоверности экспертизы основывается на том, что руководивший первым исследованием патологоанатом Г. В. Шор едва ли хуже разбирался в своем деле, нежели его коллега Ф. Я. Чистович, входивший во вторую группу экспертов. Компетентность обоих специалистов общепризнана, но заинтересованность власти в определенных результатах априори очевидна, ее понимали и современники, потому некоторые из врачей сознательно уклонились от участия в повторной экспертизе. Сказался больным, а потом уехал в отпуск прозектор Сысоев (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 116, 124 об.), наотрез отказавшись выходить на связь

В. Н. Тонков (ЛОГАВ. Ф. Р2205. Оп. 2. Д. 29. Л. 119, 122, 127), что, кстати, косвенно подтверждает участие последнего (профессора Военно-медицинской академии) и в спасении мощей прп. Александра Свирского. Впрочем, это уже совсем другая история.

Резюмируя изложенное выше, отметим, что почитание князя Александра Невского началось вскоре после его смерти, чему способствовала позиция митр. Кирилла. Тело князя, скорее всего, было погребено под уровнем пола Рождественского собора, а не находилось выше его, в саркофаге. В 1381 г. произошло прославление князя на уровне епархии, а его мощи были извлечены из-под спуда. В течение XV–XVII вв. останки серьезно пострадали от пожаров, но все-таки сохранились, о чем свидетельствует вновь вводимый в оборот подлинник известного ранее исследователям лишь по фотокопиям документа («записки»). В 1922 г. мощи были обнаружены в раке в ходе организованного властями вскрытия, их тогда же проведенная экспертиза не обнаружила фактов, опровергающих аутентичность останков, и аргументов для сомнений в их подлинности нет.

Источники и литература

Источники

1. ЛОГАВ — Ленинградский областной архив в городе Выборг.
2. Приселков (1950) — *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
3. ПСРЛ-1 (1962) — ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись. М., 1962.
4. ПСРЛ-2 (1998) — ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1998.
5. ПСРЛ-6 (1853) — ПСРЛ. Т. VI: Софийские летописи. СПб., 1853.
6. ПСРЛ-8 (1859) — ПСРЛ. Т. VIII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
7. ПСРЛ-10 (1965) — ПСРЛ. Т. X: Никоновская летопись. М., 1965.
8. ПСРЛ-21 (1908) — ПСРЛ. Т. XXI: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.
9. ПСРЛ-27 (1962) — ПСРЛ. Т. XXVII: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л., 1962.
10. НПЛ (1950) — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Литература

11. Бегунов (1966) — *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Земли Русской». М.; Л., 1966.
12. Галай (1994) — *Галай Ю. Г.* Федоровский монастырь. Нижний Новгород, 1994.
13. Географический (1773) — Географический лексикон Российского государства... / Сост. Ф. А. Полунин. М., 1773.
14. Голубинский (1997) — *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. II: Период второй, Московский. От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1997.
15. Голубинский (1998) — *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 41.
16. Горский (1996) — *Горский А. А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26–28 сентября 1995 г. Новгород, 1996.
17. Горский (1994) — *Горский А. А.* О контактах Александра Невского с Римом // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических

- и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–22 апреля 1994 г.: Тез. докл. М., 1994.
18. Григорьев (2004) — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
19. Кривошеев, Соколов (2018а) — *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский. Исследования и исследователи. СПб., 2018.
20. Кривошеев, Соколов (2018б) — *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2018.
21. Кудрявцев (2010) — *Кудрявцев О. Ф.* Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь, дипломат, воин / [Под ред. О. Ф. Кудрявцева.] М., 2010.
22. Кучкин (1995) — *Кучкин В. А.* Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1.
23. Кучкин (1990) — *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV вв.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX вв. Вып. I. М., 1990.
24. Лихачев (1985) — *Лихачев Д. С.* Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. Материалы и исследования. М., 1985.
25. Мансикка (1913) — *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. СПб., 1913.
26. Матузова (1994) — *Матузова В. И.* Роль Тевтонского ордена в осуществлении планов проникновения Римской курии на Русь // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18–22 апреля 1994 г.: Тез. докл. М., 1994.
27. Мещенина, Соколов (2017) — *Мещенина А. А., Соколов Р. А.* Александр Невский в творчестве М. В. Ломоносова // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 7.
28. Мещенина, Соколов (2018) — *Мещенина А. А., Соколов Р. А.* Историческая память об Александре Невском в эпоху Петра I и его преемников // Canadian-American Slavic Studies. 2018. Vol. 52. Is. 4.
29. Панова (2002) — *Панова Т. Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2002.
30. Сиренов (2010) — *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII в. СПб.; М., 2010.
31. Соколов (2012) — *Соколов Р. А.* Князь и митрополит: духовный меч Александра Невского // Родина. 2012. № 9.
32. Хорошев (1986) — *Хорошев А. С.* Политическая история Русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.
33. Янин (2004) — *Янин В. Л.* Церковь Бориса и Глеба в новгородском Детинце (О новгородском источнике Жития Александра Невского) // Янин В. Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004.
34. Sirenov (2016) — *Sirenov A. V.* The legitimation of the image of the Saint: on the issue of the authenticity of the relics of Alexander Nevsky // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 1 (19). Январь-Июнь. С. 101.
35. Sokolov (2017) — *Sokolov R.* Science and pseudo-science in modern studies of Aleksandr Nevskii // Вестник СПбГУ. Сер.: История. 2017. Вып. 2. С. 215–223.